
ФИНАНСЫ И БАНКОВСКОЕ ДЕЛО

УДК 339.7 JEL G01; G15; G28

DOI 10.26425/1816-4277-2019-4-141-145

Бегма Юрий Сергеевич

канд. экон. наук, советник компании
BBGroup, г. Москва

e-mail: stylusla@yandex.ru

Зенкина Елена Вячеславовна

д-р экон. наук, Институт экономики
Российской академии наук, г. Москва

e-mail: evzenkina@mail.ru

ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС: ИЛЛЮЗИЯ ПОДАВЛЕНИЯ

Аннотация. Показано, что финансовые кризисы в последние двадцать лет активизировали попытки переосмысления господствующих неолиберальных концепций глобализации валютно-кредитных отношений. Достижения финансовой технологии позволили преодолеть некоторые проблемы и породили надежды на возможность сохранения прежней парадигмы рыночного капитализма и закономерностей глобализации мировой экономики. Однако более детальное рассмотрение новых явлений в сфере международных валютно-кредитных и финансовых отношений позволяет сделать вывод об иллюзорности таких надежд.

Ключевые слова: финансовый кризис, банки, процентная ставка, кредитные деньги, секьюритизация, локальные валюты, криптовалюта.

Begma Yurii

Candidate of Economic Science, adviser
of the BBGroup company, Moscow

e-mail: stylusla@yandex.ru

Zenkina Elena

Doctor of Economic Sciences, Institute
of Economics of Russian Academy
of Sciences, Moscow

e-mail: evzenkina@mail.ru

FINANCIAL CRISIS: ILLUSION OF SUPPRESSION

Abstract. It has been shown, that the financial crises in the last twenty years intensified attempts to rethink the dominant neo-liberal concepts of globalization of monetary and credit relations. Achievements of financial technology allowed to overcome some arising problems and generated hopes for a possibility of preservation of a former paradigm of market capitalism and regularities of globalization of world economy. However, a more detailed consideration of new developments in the field of international monetary and financial relations leads to the conclusion, that such hopes are illusory.

Keywords: financial crisis, banks, interest rate, loan money, securitization, local currencies, cryptocurrency.

Простота и логичность модели глобализации мирохозяйственных связей обусловили практически единодушное ее признание мировой экономической мыслью к концу 1990-х гг., несмотря на то, что ее концептуальная безупречность регулярно нарушалась реальными банковскими кризисами. Немалую сумятицу в трактовку экономической ситуации в мире внес азиатский финансовый кризис конца 1990-х – начала 2000-х гг., который начался в 1997 г. в Таиланде. Оттуда он быстро распространился на другие страны. Кризис 1999 г. в Бразилии привел к девальвации реала. Он продолжился в 2000-2001 гг. в Турции, завершившись ликвидацией трех крупных государственных банков и девальвацией лиры на 40 %. Завершением его стал кризис 2001-2002 гг. в Аргентине, которая до этого служила своего рода витриной успеха программы «догоняющего развития» (программы, связанной концептуально с общей парадигмой глобализации мировой экономики). Уже в начале 2000-х гг. появилась серия апокалипсических статей, предсказывающих близкий развал мировой валютно-кредитной системы в силу слабости действующего механизма регулирования внешних долговых обязательств, неспособного обеспечить устранение возникающих диспропорций.

Однако соглашение между крупнейшими мировыми банками о взаимном признании банковских финансовых гарантий позволило быстро стабилизировать ситуацию. Действительно, банковские кризисы обусловлены недостатком ликвидных средств для покрытия текущих требований клиентов из-за внезапного резкого оттока депозитных вкладов или задержкой возврата кредитов. Такой дефицит носит временный характер

© Бегма Ю.С., Зенкина Е.В., 2019. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2019. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

и может быть ликвидирован за счет краткосрочного привлечения средств из других источников. Деньги, изъятые из одного банка, просто переводятся в другой. Возникновение дефицита средств в одном месте связано с появлением их избытка в другом. Поэтому межбанковское соглашение начала 2000-х г. открыло возможность быстро компенсировать возникающий кассовый разрыв банков за счет эмиссии встречных банковских обязательств. Сформировался международный рынок новых инструментов финансового инжиниринга – банковских финансовых гарантий, обращение которых позволило стабилизировать банковскую систему, подтверждая тем самым де-факто объяснения причин возникающего финансового кризиса просто несовершенством механизма регулирования. Критика затихла, сохраняя базовые положения модели глобальной экономики.

Но очередной, глубокий, и на этот раз – мировой финансовый кризис 2008 г. заставил экономистов вновь критически пересмотреть особенности функционирования современной системы международных валютно-кредитных и финансовых отношений в попытке выявить ее уязвимые стороны. Правда, никто пока не отрицает теоретическую обоснованность модели международной специализации производства стран как объективной базы их внешнеторгового обмена и привлечения иностранного капитала для эффективного использования своих природных ресурсов и своего научно-технического потенциала. Не подвергается сомнению и экономическая заинтересованность стран в международном экономическом сотрудничестве и формирования общепризнанных унифицированных норм и правил такого взаимодействия. Но если первые кризисы начала нового столетия принято было трактовать как недуг незрелого капитализма или как симптом развивающихся стран, то в дальнейшем постепенно укреплялось понимание, что экономические проблемы XXI в. связаны с новым явлением в мировой экономике – глобализацией финансовой сферы [5]. Финансовые кризисы 2007 г. и 2014 г. показали ограниченность привычных методов экономического регулирования, ориентированных больше на борьбу с прежними кризисами (перепроизводства), и необходимость более глубокого концептуального анализа причин и механизма возникающего хронического дисбаланса финансовой системы.

Чаще всего, в соответствии с общепринятыми понятиями монетарной теории, для регулирования динамики национальной экономики государство прибегает к изменению банковских процентных ставок. Механизм такого воздействия выглядит достаточно логичным и естественным: рост процентов ведет к притоку денежных средств на депозиты и, соответственно, снижению сумм кредитования из-за неизбежно увеличивающихся выплат по кредитам и сокращения объема свободных денег. Растет стоимость оборотных средств, снижаются темпы роста производства, сокращается занятость. И наоборот: снижение банками процентов ведет к удешевлению денежных ресурсов, стимулируя инвестиции и рост занятости. Изменение процентной ставки сказывается не только на динамике денежной массы, но и на оценке рентабельности проектов. Меняется стоимость ценных бумаг, недвижимости, валютный курс, объем и условия биржевых операций. Функциональная зависимость макроэкономических показателей от параметров денежного обращения превратило регулирование уровня процентов в один из основных инструментов экономической политики. Не случайно сегодня во всех развитых странах ведется тотальный мониторинг ставок рефинансирования крупнейших банков мира. В настоящее время на их анализе базируются национальные и международные макроэкономические прогнозы.

Естественно, корень экономических трудностей многими экономистами связывается, прежде всего, с негативной ролью банковской процентной ставки, которая, по их мнению, порождает кризисные дисбалансы в экономике.

Исторически хранение денег в банке оплачивалось их владельцем, ведь банк обеспечивал, помимо хранения, оплату счетов, обмен на другую валюту, трансферт средств по поручению клиента в другие страны. Процентные платежи по банковским займам легко обосновывались вполне логичной предпосылкой, что полезность блага снижается пропорционально длительности отложенного потребления. Эта идея основана на естественном восприятии людей неопределенности будущего. Негативное воздействие инфляции на покупательную силу денег является одним из очевидных примеров, оправдывающих концепцию их временного дисконтирования. Но возможность получать доход за предоставление своим клиентам финансовых ресурсов во временное пользование (кредит), пользуясь для этого денежными средствами, предоставленными ему на временное хранение другими клиентами – собственниками денежного капитала, поменяло характер коммерческих взаимоотношений между банками и их клиентами. Банк, получая немалый доход от предоставления кредита, оказывается заинтересованным в привлечении денежных ресурсов, и теперь уже не владельцы денег платят банку за услуги

их депонирования (а при необходимости – также за их конвертацию в другую валюту и оплату счетов), а банк сам готов платить проценты собственникам за открытие депозитных вкладов. Опираясь на свою репутацию хранителя финансовых ресурсов и официальное право эмитировать для клиентов денежные требования (кредитные деньги), в сумме, десятикратно превышающей сумму привлеченных депозитов (исходя из статистики реальных требований выплат владельцам депозитных средств), банки фактически наряду с государством формируют значительную часть денежной массы. Но для всей этой массы кредитных денежных требований нет реального товарного эквивалента.

Растущие выплаты по кредитам не связаны непосредственно с реальным производством, и устранение дисбаланса обеспечивается фактически ростом цен, который естественно сказывается, прежде всего, на ценах новой продукции, но при этом неизбежно отражается, в конечном счете, на общем инфляционном повышении цен.

Банковские проценты (как один из инструментов обращения денег) служат в рамках современной денежной системы средством скрытого перераспределения денежного дохода и монополизации производства. Единообразие процентных выплат для всех участников общественного производства при начальном неравенстве их экономического потенциала – производственных мощностей, долей на рынке, инвестиций и – главное – доли в банковских активах (депозитных вкладов и кредитных заимствований) ведет с течением времени к увеличению этого неравенства: активы более мощных структур растут быстрее, чем у небольших, что наглядно отражается на динамике роста денежных обязательств: их показатели (при всех прочих равных условиях, кроме величины начального капитала) быстро расходятся, причем тем больше, чем больше начальный разрыв исходных показателей.

Транснациональная деятельность современных крупных компаний и сложившийся разрыв в уровне экономического развития стран в мире превращают процесс формирования монополий в механизм международного перераспределения создаваемого богатства в пользу наиболее богатых компаний экономически наиболее развитых стран за счет небольших компаний из наименее развитых стран, воплощая в действительность потенциальную неэквивалентность валютно-кредитных и финансовых отношений [2, с. 8-26]. Формирование современных финансовых монополий поддерживается сегодня механизмом процентных платежей. Капитал компаний с относительно высокой долей на рынке объективно (в силу действующих процентных ставок) растет быстрее, чем у менее крупных. Поскольку монополии рассматриваются сегодня как следствие только экономической политики компаний, добывающихся привилегий за счет нарушения условий «справедливой рыночной конкуренции», противостоять которому нужно средствами антимонопольного законодательства, то не приходится удивляться тому, что результат этих усилий оказывается чаще всего весьма далеким от ожидаемого. И чем выше финансовый потенциал компаний, тем сложнее сдерживать процесс их монополизации.

Наиболее мощные государства решают проблему роста задолженности за счет международной экспансии своих долговых обязательств через расширение круга участников заимствования денежных (валютных) средств. Сумма международной задолженности растет, причем динамика носит экспоненциальный характер. При этом быстрее всего он растет в странах с активными внешнеэкономическими связями, в частности внешний долг развитых стран быстро вырос в последнее десятилетие и составляет более 300 % валового внутреннего продукта (далее – ВВП) для Великобритании, 260 % – для Японии и почти 3 600 % – для Люксембурга. И даже для таких крупных стран как США и Германия сумма внешнего долга превысила ВВП.

Конечно, механизм саморегулирования экономики способен, в принципе, устранять возникающие дисбалансы, в том числе и порождаемые экспоненциальным ростом денежных требований. Но проблема заключается не в уровне процентной ставки, а прежде всего в ее мультипликативном всепроникающем воздействии на национальную экономику. Проценты оплачивает не только берущий кредит. Фактически все те, кто приобретает товары, принимают участие в покрытии кредитных процентных ставок, которые косвенно учтены в ценах всех товаров. Помимо непосредственного влияния на уровень издержек и на цену товаров кредитных платежей производителя, косвенно сказываются также процентные затраты других поставщиков, входящие в стоимость используемого сырья и комплектующих изделий. Перераспределение процентных платежей определяется сложившейся (на базе производственной специализации и кооперирования) системой хозяйственных взаимосвязей. А во-вторых, процентные платежи затрагивают всю национальную банковскую систему, учитывая совокупность платежей по кредитам банковских фидуциарных денежных средств, объем которых десятикратно превышает сумму начальных банковских депозитов. Процентная плата за использование

кредита выступает фактором виртуальных издержек, учитываемых в цене продукции. Пока речь идет о перераспределении средств первичного депозита фиатных денег клиента, (отложившего свое право на текущее потребление), процентные платежи за временную аренду денег не меняют традиционных схем ценообразования товаров и не нарушают принципов балансовой модели национального производства. Но вновь эмитированные кредитные банковские деньги не имеют стоимостного товарного эквивалента, и включение их в денежный оборот страны меняет балансовые макропропорции. К тому же, в-третьих, объем денежных обязательств заемщиков даже при постоянстве процентной ставки растет экспоненциально, что не соответствует динамике устойчивого, в целом линейного роста реальной товарной продукции [4, с. 68].

Общество фактически платит дань за неравномерность распределения денежных ресурсов: платит владельцам избыточных денежных ресурсов за то, чтобы эти ресурсы с помощью банковской системы можно было бы эффективно использовать в общественном производстве [3]. При этом общее бремя платежей по кредитным процентам несет практически все население. И тяжелые последствия этих платежей становятся все более ощутимыми, что связано в первую очередь с механизмом эмиссии банковских кредитных денег [1]. Добавление к стоимости создаваемой продукции экспоненциально растущих во времени виртуальных затрат на оплату кредитных денежных обязательств, десятикратно превышающих сумму фиатных депозитов, ломает баланс между стоимостью реальной продукции и противостоящей ей суммы денежных требований. Этот дисбаланс уже трудно восстановить экономически обоснованным инфляционным ростом цен через механизм саморегулирования национального хозяйства.

Глобализация валютно-кредитных отношений не отменяет экономически необоснованный рост массы денежных обязательств, но модифицирует процесс формирования макроэкономических дисбалансов. Государства получают возможность смягчать проблемы кризисных диспропорций за счет расширения границ экономического пространства, и прежде всего виртуального пространства международных валютных и кредитных операций. Неравномерность распределения денежных ресурсов, различие банковских процентных ставок сказываются как факторы экономического развития уже в рамках не национального, а мирового хозяйства.

Либерализация валютных отношений и финансовых рынков с 1990-х гг. прошлого века открыла возможность государствам (точнее, частным эмитентам денежных ресурсов) направлять избыток национальных денег, не обеспечивающих требуемый уровень дохода на мировой валютный рынок. Операции покупки иностранной валюты, проводимые ранее для проведения внешнеторговых платежей и расчетов по зарубежным займам, быстро переросли в регулярные спекулятивные сделки приобретения иностранной валюты с целью получения дохода от колебаний курсов на валютном рынке. Такие сделки ведут к стандартизации условий обращения национальных денег на валютных биржах, формируют требования стабильности их курса, что неизбежно ведет к сближению внутринациональных норм денежного обращения в мире. Переориентация инвесторов на капитал мировых финансовых рынков (вместо банковских кредитов) стимулировало использование биржевых ценных бумаг – долговых обязательств и акций – в качестве суррогатных стоимостных платежных инструментов, цена которых меняется синхронно с изменением валютных курсов. Появившиеся многочисленные финансовые деривативы завершили превращение валют из вспомогательного инструмента товарообмена в объект торговой спекуляции, который можно арендовать на время, купить или продать с поставкой в течение какого-то времени или вообще без реальной передачи денежных средств. Условия обращения валюты и ценных бумаг на бирже как товаров международного обращения постепенно унифицируются.

Растущий объем кредитных денег, обеспечивающий банкам и растущий доход, требует активной политики размещения денежных средств, порождая хорошо известный феномен кредитной экспансии. Особенно заметен в последнее время рост потребительского кредита, т. е. кредитование физических лиц, увеличивающее текущий спрос на товары конечного потребления. Таким способом удается решать (частично и на какое-то время) возникающие проблемы более медленного роста потребительских доходов по сравнению с ростом кредитных обязательств. Но проблема в целом не решается, растет задолженность по потребительским кредитам, угрожая сокращению будущего потребления. Решение просто отодвигается в неопределенное будущее.

Очевидно, что вера адептов возрождения неолиберальной модели единого глобального капиталистического мирового хозяйства, опирающегося на устойчивый и неисчерпаемый потенциал глобального мирового рынка, способного за счет механизма саморегулирования противостоять экономической болезни XXI в. – устранять «финансовые пузыри», оказалась иллюзорной.

Неэффективность предлагаемых рецептов противостояния, ставшими уже хроническими в новом веке, породила главным образом концептуальную критику идей глобализации. Спасение видится в локализации экономического пространства и поиске частных локальных решений возникающих трудностей. Однако попытки усилить роль государственного регулирования современной экономики вряд ли приведет к успеху. Проблема заключается в концептуальной недооценке особенностей механизма перепроизводства виртуальной «финансовой продукции», сменившей материальные «товарные излишки» прежних, хорошо изученных кризисов капиталистического перепроизводства.

Библиографический список

1. Бегма, Ю. С. Технология секьюритизации в инвестиционном обеспечении экономического роста / Ю. С. Бегма, К. Е. Ильчишин // Сборник материалов V Чаяновских чтений «Экономический рост: теория и практика», 2005. – С. 22-27.
2. Бобрышев, А. Д. и др. Бизнес-модели в управлении устойчивым развитием предприятий: учебник / А. Д. Бобрышев, В. М. Тумин, К. М. Тарабрин и др.; под общ. ред. А. Д. Бобрышева, В. М. Тумина. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 289 с.
3. Зенкина, Е. В. Новые контуры финансового рынка XXI века // Вопросы новой экономики. – 2017. – № 4 (44). – С. 37-42.
4. Кеннеди, М. Деньги без процентов и инфляции. Как создать средство обмена, служащее каждому. – М.: Самотека, МИД, «Осознание», 2011. – 98 с.
5. Малинина, Е. В. Некоторые особенности финансовой глобализации // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2007. – № 11. – С. 214-220.

References

1. Begma Y. S., Il'chishchin K. E. Tekhnologia sek'uritizatsii v investitsionnom obespechenii ekonomicheskogo rosta [*Technology of securitization in investment ensuring economic growth*]. Sbornik materialov V Chayanovskikh chtenii «*Ekonomicheskii rost: teoria i praktika*» [*The V Chayanovsky readings «Economic growth: theory and practice»*], 2005, pp. 22-27.
2. Bobryshev A. D., Tumin V. M., Tarabrin K. M. [*et al.*]. Bisnes-modeli v upravlenii ustoichivym razvitiem predpriytii: uchebnik [*Business Models in Sustainable Enterprise Management: a textbook*]; pod obshch. red. A. D. Bobrysheva, V. M. Tumina, M.: INFRA-M, 2019. 289 p.
3. Zenkina E. V. Novye kontury finansovogo rynka XXI veka [*New contours of the financial market of the 21st century*], M., Voprosy novoi ekonomiki [*Issues of the new economy*], 2017, I. 4 (44), pp. 37-42.
4. Kennedy M. Den'gi bez protsentov i inflitsii. Kak sozdat' sredstvo obmena, sluzhashchee kazhdomu [*Money without percent and inflation. How to create a means of exchanging, employees to everyone*], M.: Samotioka, MID, «Osoznanie», 2011. 98 p.
5. Malinina E. V. Nekotorye osobennosti finansovoi globalizatsii [*Some features of financial globalization*], Vestnik RGGU. Seria: Ekonomika. Upravlenie. Pravo, 2007, I. 11, pp. 214-220.